

Пролог

Неудача, постигшая сэра Аласдэра Маклахлана при посещении кулачных боев

Был знойный сентябрьский полдень, когда сэр Аласдэр Маклахлан оказался очень близок к тому, о чем предупреждала его незабвенная Старушка Макгрегор, по крайней мере, последние тридцать лет: к воздаянию за грехи. Однако сколько бы она ни твердила свое, он никогда не внимал ее увещаниям.

Лет до восьми Аласдэр думал, что почтенная леди, произнося «воздаст», бормочет еще одну шотландскую молитву с просьбой о богатстве, поскольку Старушка была очень равнодушна к земным благам. Он просто не обращал внимания на эти слова, как и на прочий изрекаемый ею вздор вроде «если уж якшаешься с дьяволом, то будь поосторожней» и вечное присловье «дьявол гордился, да с неба свалился, а гордец...».

Впрочем, он плохо помнил, что там случилось с гордецом, и нимало не беспокоился об этом, потому что его мысли в этот на редкость жаркий день были совсем о другом, а сам он был полностью погружен в Блисс — так звали жену деревенского кузнеца, — когда раздался первый выстрел и воздаяние оказалось совсем близко.

— Вот беда! — воскликнула Блисс, отталкивая его. — Мой муж!

Неловко пугаясь в панталонах, Аласдэр скатился с кучи соломы, вскочил, отфыркиваясь от пыли, и закрутился, надевая подтяжки.

— Ладно, Блосс! Я знаю, ты где-то здесь! — гремел угрюмый голос по конюшне, проникая во все ее закоулки. — Уж на этот раз я доберусь до тебя! И до чертова шотландца тоже!

— Господи, опять, — устало пробормотала Блосс. Она уже поднялась и оправляла юбки. — Обычно мне удается ненадолго задержать его, — шепнула она, — но вы лучше перелазьте через стенку и бегите со всей мочи. Мне Уилл ничего не сделает. Вас он точно прикончит.

Торопливо заправляя рубашку, Аласдэр скривился: — Ты будешь горевать обо мне, милочка?

Блосс пожала плечами. Ясно — легко досталось, легко потерялось. Аласдэр сам гордился легкостью, с которой он действовал в подобных случаях.

Из прохода между стойлами доносился звук безжалостно распахиваемых и с грохотом захлопывающихся дверей.

— Выходи, разряженный ублюдок! — ревел кузнец. — Здесь только один вход и один выход, и я жду тебя!

Аласдэр смачно чмокнул Блосс и кинулся к стенке.

— Любовь моя, — подмигнул он ей, — ты стоишь того.

Блосс бросила на него циничный взгляд, затем хлопнула дверь. Дрыгая ногами, Аласдэр перевалился через дощатую перегородку в соседнее стойло.

— Уилл Ханди, ты что, рехнулся? — Блосс теперь стояла в проходе, излишне громко протестуя. — Убери свой пистолет, пока сам себя не застрелил! Что мне, нельзя и вздремнуть чуток? За день умоталась до полусмерти, таскаясь вверх-вниз с водой и пивом, как будто я какая-нибудь прислужница.

— Похоже, я знаю, кого ты тут обслуживала, девочка.

Голос рока раздавался теперь всего в нескольких футах от незадачливого любовника.

— Где же он? На этот раз я точно пришибу кого-нибудь.

Аласдэр осторожно приоткрыл дверь стойла и выглянул. О Боже! Аласдэр был не мелким мужчиной, но муж Блисс походил на норовистого тяжеловоза, желтые зубы и все такое. И потом от него несло, как от коня.

Он был голым до пояса, если не считать грязного кожаного фартука; по грубой бронзовой коже бежали грязные ручейки. Черные волосы покрывали его бочкообразную грудь, могучие руки и большую часть спины. В одной руке он держал отвратительного вида серп, в другой — старинный дуэльный пистолет, второй такой же был засунут за пояс.

Два пистолета. Одна пуля.

Черт. Аласдэр изучал математику в Сент-Андрусе, и ему не понравился такой расклад сил. Господи, ну и влип же он на этот раз. Но жизнь слишком мила ему, чтобы так просто с ней расстаться.

Блисс смочила уголок фартука и вытерла им полоску сажи на большом грубом лице.

— Успокойся, Уилл, — проворковала она. — Никого здесь нет, только я, понял?

Аласдэр приоткрыл дверь еще на дюйм и подождал, пока Блисс не взяла муженька за руку. Она тянула его внутрь, и Аласдэр ожидал, пока они не завернули за угол, после чего на цыпочках двинулся к выходу. И тут же наступил на грабли. Длинный черенок из твердого английского дуба выскочил из навозной кучи и попал ему прямо между глаз. Аласдэр выругался, споткнулся и, шатаясь, двинулся дальше.

— Вот он, — взревел кузнец. — Иди сюда, проклятый трус!

Аласдэр не был безумцем. Кузнец отбросил руку жены и повернул обратно. Аласдэр отшвырнул с дороги грабли, вильнул влево и пронесся

мимо него. Кузнец взревел, как взбешенный бык, и развернулся, но было поздно.

Аласдэр выскочил на слепящее солнце как раз в тот момент, когда на поляне внизу стало шумно. На подпольные кулачные бои в эту маленькую суррейскую деревню стекалась добрая половина лондонских мошенников, и вид окровавленного аристократа, убегающего от кузнеца, вооруженного серпом, не произвел на публику большого впечатления.

Сбегая вниз по холму, заросшему травой, Аласдэр слышал за спиной тяжелый топот кузнеца. Аласдэр напряженно глядывался в толпу, пытаясь отыскать в ней своих спутников. Сзади громко пыхтел кузнец. Аласдэр подумывал: может быть, лучше остановиться и постоять за себя? Пусть он проигрывает в размерах, зато быстрее и опытнее в борьбе. Только вот у Уилла заряженный пистолет, и справедливость на его стороне.

Аласдэр достиг подножия холма и бросился туда, где стояли экипажи. Кузнец явно был плохим бегуном, он быстро отстал. Аласдэр обежал половину поляны, всматриваясь в море голов под палящим солнцем. От влажной травы, пролитого пива и свежего навоза поднимались кислые испарения. Теперь стало слышно, как неистовствовала толпа, сопровождая быстрые глухие удары плоти о плоть поощряющими или язвительными выкриками. Один из борцов отступил, вызвав взрыв одобрения в адрес другого, и в этот момент Аласдэр увидел своего брата, продирающегося через толпу, и неотступно следующего за ним Куина, на ходу отхлебывающего из пивной кружки.

Меррик встретил его возле большого старомодного экипажа.

— Что за дьявол вселился в тебя? — спросил он, когда Аласдэр увлек брата за него.

— И кто тот Голиаф, который следует за тобой по пятам? — добавил Куин. — Похоже, он попал тебе прямо между глаз, старик.

Аласдэр прислонился к карете, успокаивая дыхание.

— Пока могу только сказать, что нужно уносить ноги, джентльмены. Немедленно.

— Уносить ноги? — недоверчиво произнес Куин. — Я поставил двадцать фунтов на этот бой!

У Меррика вытянулось лицо.

— Почему? Что случилось?

— Опять юбка! — заключил Куин. — Ты не мог украсить рогами кого-нибудь не такого крупного?

Аласдэр оторвался от кареты, всматриваясь в край поляны. Меррик жестко схватил его за руку.

— Скажи, что не так.

Аласдэр пожал плечами.

— Это была Блосс, девица, которая разносила пиво. Она всем видом давала понять, что не прочь провести некоторое время в горизонтальном положении. Я уступил ей из чистого милосердия, уверяю тебя.

— Бог мой, Аласдэр, — сказал его брат. — Ведь знал же я, что с тобой обязательно...

— Приготовиться! — прервал его Куин, отбрасывая пивную кружку. — Он приближается.

С противоположной стороны поляны к ним двигалась гора потного, издающего нечленораздельные звуки мяса, размахивающая пистолетом и серпом, зловеще сверкающим на солнце.

— Нам лучше бежать, — сказал Аласдэр.

— Будь я проклят, если побегу, — холодно произнес Меррик. — Кроме того, я оставил карету у трактира «Королевский герб».

— Один из его пистолетов заряжен, — предупредил Аласдэр. — Меррик, может быть,

я и заслужил это, но ты ведь не хочешь, чтобы этот деревенский идиот убил какого-нибудь случайного гуляку.

— Друзья, лучше остаться в живых и сразиться в другой раз, — заявил Куин.

— К черту все, — подытожил Меррик.

Все трое ринулись к обходной дорожке, по которой тоже сновали люди. Она петляла у подножия холма и вела вверх, на задворки деревни. Вдоль нее хитроумные трактирщики расставили фургоны и шатры, в которых продавали пироги с мясом и пиво. Тут же расположились бродячие торговцы и цыганки, шла бойкая торговля всевозможными кустарными поделками, взбадривающими напитками и талисманами; сверху из деревни неслись звуки скрипки.

Куин прокладывал дорогу в толпе, пока она не поредела. Аласдэр с братом следовали за ним. На очередном повороте Куину пришлось шагнуть с тропинки в сторону, чтобы пропустить тощего человечка, с трудом удерживающего на плече бочонок с пивом. Меррик сделал то же. По несчастью, Аласдэр плечом задел выступающий локоть человека, несущего пиво, — тот остановился, выругался и уронил бочонок, который запрыгал вниз по дорожке.

— Ловко же ты маневрируешь! — ехидно бросил Меррик.

Аласдэр оглянулся и увидел, что кузнец сократил расстояние между ними. В каких-нибудь трех футах от него бочонок ударился о землю и взорвался пивом и пеной. Человек, уронивший его, явно решил объединиться с кузнецом и развернулся, чтобы пуститься в погоню.

За следующим поворотом оказался ядовито-зеленый фургон, а рядом с ним — большой шатер в пятнах и заплатках. Куин откинул полотнище, закрывающее вход в него.

— Быстрее сюда, — скомандовал он.

Меррик нырнул в темноту. Аласдэр последовал за ним. Какое-то время они ничего не видели и только слышали собственное тяжелое дыхание. Пока глаза Аласдэра привыкали к темноте, из полумрака раздался мрачный голос:

— Позолоти ручку, англичанин.

Он всмотрелся в глубину шатра и увидел цыганку, которая сидела за шатким деревянным столиком, вытянув тонкую руку с длинными пальцами.

— Я... я не англичанин, — почему-то нашел нужным сообщить он.

Она оглядела его с головы до ног, как если бы он был лошадей, выставленной на продажу.

— Это не совсем так, — сказала она.

По отцовской линии Аласдэр был на четверть англичанином. Им овладело неясное беспокойство.

— Позолоти ручку, — повторила она, щелкнув красивыми пальцами. — Или ты предпочитаешь уйти? Это не убежище, я здесь работаю.

— Бога ради, заплати этой женщине, — потребовал Меррик, все еще поглядывающий в щель у входа. Было слышно, как снаружи кузнец спорил с кем-то, скорее всего с человеком, лишившимся бочонка с пивом, о том, что делать дальше. Аласдэр засунул руку глубоко в карман, извлек кошелек и положил монету на ладонь женщины.

— Три, — сказала цыганка, еще раз нетерпеливо щелкнув пальцами. — По одной на каждого.

Аласдэр снова полез в кошелек.

— Садись, — приказала она, осмотрев монеты. — Все трое садитесь. Те глупцы не войдут сюда. Не посмеют.

Куин и Меррик удивленно уставились на нее.

Она дернула плечом — и волна блестящих черных волос упала ей на лицо.

— А что? — с вызовом бросила она. — У вас есть другой выход?

Куин, самый стговорчивый из них, придвинул трехногие стулья к столу и выполнил ее приказание.

— Меррик, не порть компанию, — сказал он. — Что еще мы можем сделать в такой ситуации?

Меррик подошел к столу и сел, все еще недовольно поглядывая на Аласдэра.

— Руку, — потребовала цыганка.

Аласдэр послушно протянул руку. Женщина взяла ее и какое-то время рассматривала раскрытую ладонь. Как бы желая прояснить увиденное, она большим пальцем провела по линиям на его руке. Внутри шатра царили тишина и спокойствие, остальной мир со всеми его звуками, казалось, исчез. Женщина придвинула ближе маленькую лампочку и зажгла фитиль, осветив помещение слабым желтым светом. Она была, как внезапно осознал Аласдэр, поразительно хороша собой.

— Назови свое имя, англичанин, — пробормотала она, все еще не отрывая глаз от его ладони.

— Маклахлан.

— Маклахлан, — эхом отозвалась она. — Я думаю, ты плохой человек, Маклахлан.

Аласдэр подался назад.

— Вовсе нет, — запротестовал он. — Я добрый малый, не хуже других, в самом деле. Спроси кого хочешь. У меня и врагов нет.

Она оторвала взгляд от его руки, выгнула тонкую черную бровь.

— А те, кто гнался за вами, — спросила она, — это ваши друзья?

Аласдэр почувствовал, как жаркая кровь прилила к его лицу.

— Результат недопонимания, — сказал он. —

10   Что-то в этом роде.

Ее брови сошлись вместе.

— Зло бывает разным, Маклахлан, — произнесла она гортанным голосом. — Ты совершил множество грехов.

— Разве ты священник? — заговорил он злобно-насмешливо. — Хорошо, признаюсь. Теперь расскажи мне о моем будущем, и покончим с этим.

Но она уже положила руку Аласдэра ладонью вниз и сделала движение, чтобы заняться его братом. Меррик прищурился. Цыганка задумалась. Шрамы на лице и холодные голубые глаза не делали Меррика привлекательным. Но в конце концов он смягчился.

Она поводила большим пальцем по линиям и выпуклостям его руки.

— Еще один Маклахлан, — пробормотала она. — Дьявольски удачлив. И с дьявольскими глазами.

— Этот еще хуже. — Меррик хрипло засмеялся.

Она медленно кивнула.

— Я вижу здесь, — она коснулась кожи ниже указательного пальца, — и здесь.

Она поводила пальцем в центре ладони, и Меррик, хотя ему удалось сохранить внешнее спокойствие, внутренне содрогнулся.

— У тебя богатое воображение, ты натура творческая, художник, — начала она.

Меррик колебался.

— В некотором роде, — согласился он.

— И, как многие художники, ты страдаешь грехом гордыни, — продолжала она. — Ты пользуешься большим успехом, но не знаешь счастья. Безмерная гордыня и разбитое сердце ожесточают тебя.

— И дальше будет так же? — нагло спросил Меррик.

Она прямо посмотрела на него и кивнула.

— Почти наверняка, — сказала она. —

В прошлом так оно и было.

Цыганка оттолкнула его руку и повернулась к Куину.

— У меня много грехов, — признал Куин, протягивая свою ладонь. — Не знаю, хватает ли на моей ладони места для всех.

Женщина склонилась над ней и издала горловой звук.

— Опрометчивый, — сказала она. — Поступаешь необдуманно. Сначала говоришь, а потом думаешь.

Куин нервно засмеялся.

— Не могу не согласиться, — признал он.

— Ты заплатишься за это, — предупредила она.

Куин замолк. Потом сказал:

— Может быть, я уже заплатился.

— Ты заплатишься снова, — спокойно сказала она. — И самым худшим образом, если только не исправишь то плохое, что сделал.

— Что именно? — попробовал засмеяться он. — Список такой длинный.

Она подняла на него глаза и выдержала его взгляд.

— Ты знаешь, — сказала она. — Да, ты знаешь.

Куин заерзал на стуле.

— Я... я не уверен.

Цыганка пожала плечами и указательным пальцем потрогала его ладонь у основания большого пальца.

— Я вижу, что недавно ты понес большую утрату.

— Мой отец, — признал Куин. — Он... он покинул нас.

— А... — сказала цыганка. — Как тебя зовут?

— Куин, Куинтин Хьюитт — или Уинвуд. Лорд Уинвуд.

Она снова издала горловой звук.

— У вас, англичан, так много имен, — пробормотала она, роняя его руку, как если бы она устала. — Теперь уходите. Все. Идите к своей карете и уезжайте.

12 Я не смогу сказать вам ничего такого, что поме-

шало бы вам напрасно растрчивать ваши жизни. Ваши судьбы решены.

Аласдэр недоверчиво оборотился к выходу.

— Идите, — снова сказала цыганка. — Те, что гнались за вами, ушли. Они не вернуться. Сегодня не эти неуклюжие болваны, а сама судьба призвала тебя, Маклахлан, к ответу за твои грехи.

Меррик вскочил на ноги. Куин принужденно засмеялся.

— Сожалею, Аласдэр, — сказал он. — Меррик и я отделались довольно легко.

Он улыбнулся женщине, необычная красота которой явно подействовала на Аласдэра.

— Легко? — отозвалась цыганка. Она подняла глаза на Куина и пристально посмотрела на него. — Но я ничего не сказала о вашем будущем.

«А ведь это правда, — озадаченно подумал Аласдэр. — Она сказала о многом, но почти ничего не предсказывала».

Меррик теперь стоял у выхода спиной к ним и выглядывал наружу.

— Что же, тогда скажи, — не без вызова предложил Куин. — Что ждет нас, мадам? Богатство? Дальняя дорога? Что?

Она немного помедлила.

— Это не салонная игра, милорд. Ты действительно хочешь знать?

Куин замялся.

— Я... Да... Почему бы нет?

Теперь цыганка будто всматривалась куда-то в даль.

— Как говорится в вашей пословице, лорд Уинвуд? Вспомнила! «Цыплята всегда возвращаются на свой насест». — Ее голос стал жестким. — В любом случае ни одному из вас больше не удастся избежать наказания за ваши дурные поступки. Ни один

из вас не сможет продолжать брать и пользоваться, не платя за это. Вы должны начать оплачивать свои грехи. Так будет — вам не уйти от судьбы.

— Пороки? Грехи? — заговорил Аласдэр. — Мадам, это слишком сильно сказано.

— Называйте как хотите, — сказала цыганка, пожав плечами, отчего ее длинные серьги закачались. — Но ты заплатишь, Маклахлан. Ты получишь урок. И будешь страдать. То, что произойдет дальше, будет таким же реальным и таким же болезненным, как кровоподтек у тебя между глаз.

Меррик приглушенно выругался, но не обернулся.

— Я начинаю уставать от этой челтнемской трагедии, — бросил он. — С меня хватит.

— Подожди, Меррик. — Куин осторожно рассматривал женщину. — Это что, одно из цыганских проклятий?

Глаза женщины засверкали.

— Лорд Уинвуд, ты глупец, — сказала она. — Ты начитался романов. Вы, все трое, сами себя прокляли, мне тут нечего делать. Настало время восстановить справедливость. Вы должны все исправить.

— Что за вздор! — бросил через плечо Меррик.

— Тем не менее так и будет, — спокойно сказала женщина.

Внезапно в шатер ворвался холодный ветер, и Аласдэра, несмотря на летнюю жару, охватил озноб. Он повернулся и увидел, что его брат уже откинул полог и двинулся по дорожке вниз. Куин помедлил и последовал за ним.

Аласдэра трудно было напугать и обескуражить, он улыбнулся и уселся на средний стул.

— Моя дорогая девочка, — сказал он, перегибаясь через стол. — Теперь, когда рядом нет этих закосневших в предрассудках филистеров, могу

я задать тебе вопрос — кто-нибудь говорил тебе, что твои глаза имеют цвет лучшего коньяка? Что твои губы подобны лепесткам роз?

— Да, и что мои ягодицы как два полукружия из каррарского мрамора, — сухо отвечала красавица. — Поверь мне, Маклахлан, я слышала все это.

Улыбка Аласдэра увяла.

— А жаль!

Цыганка посмотрела на него озадаченно и встала.

— Уходи, — сказала она. — Убирайся из моего шатра вместе со своими избитыми приемами обольщения. Здесь они не принесут тебе успеха.

Аласдэр опустил голову и засмеялся.

— День действительно выдался неудачный, — признал он.

Цыганка некоторое время молчала. Напоследок прошептала:

— Мой бедный, бедный Маклахлан. Боюсь, ты не представляешь себе и половины сегодняшних неприятностей.

Аласдэр снова почувствовал на своем затылке холодное дуновение ветра. Когда он поднял глаза, то увидел, что прекрасная предсказательница исчезла.